

Янышев И. Л., протопресвитер. Отзыв протопресвитера И. Л. Янышева на «Краткое изложение системы богословствования» М. М. Тареева, представленный Святейшему Синоду // Богословский вестник 1917. Т. 2. № 10/11/12. С. [410–417] (2-я пагин.).

410

богословский вестник.

Остальные, позднѣе написанные, два тома,—II и IV.—напечатаны мною не только подъ общою академическою цензурою, но и при особенномъ поощреніи и одобреніи со стороны преосвященнаго ректора академіи, о чемъ мною доложено и документально подтверждено его высокопреосвященству митрополиту московскому.

Мой первый богословскій трудъ „Искушенія Богочеловѣка“ былъ изданъ въ 1892 г. Святейшій Синодъ потребовалъ отъ меня переимѣнить заглавіе и произвести нѣкоторыя исправленія въ содержаніи. Это и было мною исполнено во второмъ изданіи сочиненія (1900 г.), за которое я и былъ удостоенъ степени магистра богословія.

Такъ было въ прошломъ. И въ будущемъ—не только не уклонюсь ни отъ какихъ духовныхъ цензуръ, но и въ напечатанномъ охотно произведу всѣ измѣненія, какихъ отъ меня потребуетъ Святейшій Синодъ.

Ординарный профессоръ московской духовной академіи
Михаиль Тарѣевъ.

1909 г., сентябрь.

Приведенное „изложеніе“ было Св. Синодомъ передано „на разсмотрѣніе протопресвитеру И. Л. Янышеву, съ порученіемъ доставить Святейшему Синоду свой отзывъ събъ этому изложенію богословствования“. Отзывъ протопресвитера И. Л. Янышева былъ представленъ Св. Синоду.

Представленіе Св. Синоду протопр. И. Л. Янышева.

Возвращая при семъ препровожденное ко мнѣ г. Управляющимъ Канцеляріею Святейшаго Синода при отношеніи, отъ 19 Октября 1909 года за № 14049, представленіе Высокопреосвященнаго Владимира, Митрополита Московскаго, за № 448, съ приложеніемъ рукописнаго „Краткаго изложенія системы богословствования“ ординарнаго профессора Московской духовной академіи по кафедрѣ нравственнаго богословія Михаила Тарѣева, имѣю честь почтительнѣйше представить Святейшему Синоду, во исполненіе опредѣленія отъ 12 Октября 1909 года, слѣдующее.

Профессору Михаилу Тарѣву не было объяснено, чѣмъ вызвано посланное ему предписаніе представить „Краткое изложеніе системы его богословствованія“. Поэтому онъ въ своемъ рукописномъ отвѣтѣ очень сжато излагаетъ содержаніе всѣхъ четырехъ, въ 1908 году изданныхъ, томовъ своихъ сочиненій подъ заглавіемъ: „Основы христіанства“; съ нѣкоторою подробностію останавливается на ученіи о „благодати Господней“ и на тѣхъ немногихъ пунктахъ его ученія, по которымъ появились въ печати болѣе или менѣе невѣрныя сужденія объ его мнѣніяхъ; особенно же подробно опровергаетъ онъ печатные толки о будто бы проповѣдуемой имъ такъ называемой „свободѣ плоти“.

Въ многочисленныхъ, повидимому, разрозненныхъ трактатахъ частію догматическаго и религіозно-нравственнаго, частію философскаго и историческаго содержанія подъ вышеназваннымъ общимъ заглавіемъ: „Основы христіанства“ профессоръ Тарѣвъ изложилъ цѣльное христіанское міровоззрѣніе, направленное противъ иностранныхъ и русскихъ антирелигіозныхъ писателей о Лицѣ Иисуса Христа и Его земной жизни.

Задача, принятая на себя авторомъ, въ высшей степени важная и современная. Исполненіе ея потребовало отъ него тщательнаго изученія Священнаго Писанія, особенно Четверго-Евангелія, а также церковно-аскетической литературы, его собственнаго, какъ онъ выражается, опыта и переживанія.

Средоточіемъ міровоззрѣнія и всего богословствованія профессора Тарѣва служитъ божественная, духовная, вѣчная жизнь, какъ она явилась міру въ человѣческой прирѣдѣ и во всей земной жизни Спасителя, а чрезъ Него и Его Святыхъ Апостоловъ продолжалась и имѣетъ продолжаться вѣчно.

Въ общемъ, книги профессора Тарѣва—плодъ большихъ его трудовъ и замѣчательной даровитости — составляютъ очень серьезный вкладъ въ нашу богословскую литературу.

Тѣмъ не менѣе нахожусь вынужденнымъ заявить, что все міровоззрѣніе профессора Тарѣва и все его ученіе о божественной, духовной жизни христіанина требуетъ пересмотра и измѣненія или исправленія въ тѣхъ случаяхъ, когда его мнѣнія или ученіе окажутся лишенными основанія

въ Священномъ Писаніи и Преданіи и не согласными съ ученіемъ и съ современною практикою вселенской церкви.

Что касается прежде всего до трактатовъ догматическаго характера, составляющихъ извлеченіе изъ магистерской и докторской диссертацийъ профессора Тарѣва, то эти диссертации уже были на разсмотрѣніи Святѣйшаго Синода и удостоены его одобреніемъ; и я, поѣтому, не считалъ своимъ долгомъ читать эти диссертации въ отдѣльныхъ полныхъ ихъ изданіяхъ. Въ этомъ, т. е. догматическомъ отношеніи, а также и въ отношеніи къ ученію о нравственности не могу, однако, не указать на нѣсколько мыслей и выраженій, по моему мнѣнію, не соответствующихъ ученію и современной практикѣ церкви, а именно:

а) томъ III стр. 132: говорится о космогоническомъ и биологическомъ дѣйствіи Святаго Духа, а въ т. I на стр. 368 и Самъ Святѣй Духъ или Духъ Божій называется „стихійнымъ“—и притомъ перерождающимся въ свободный „Духъ Христовъ“. Такая вещественность Духа и такая измѣняемость Неизмѣняемаго Бога едва ли могутъ быть оправданы съ какой бы то ни было точки зрѣнія;

б) въ III томѣ на стр. 132 и т. I на стр. 186 выражается мнѣніе о томъ, что „благодатное дѣйствіе Святаго Духа стало возможнымъ вслѣдствіе нравственнаго подвига Христа, послѣ Его прославленія—воскресенія изъ мертвыхъ и отшествія къ Отцу“, тогда какъ „Духъ Христовъ“ присущъ былъ ветхозавѣтнымъ пророкамъ (1 Петр. I, 11) и, по ученію православной церкви, вѣра въ Грядущаго Мессію и дѣйствія благодати Святаго Духа были такъ могущественны въ ветхозавѣтное время, что св. Енохъ и св. Ілія пророкъ были живыми взяты на небо, а свв. пророки Моисей и Ілія удостоились участія въ славѣ Преображенія Господа равнѣ Его смерти и воскресенія;

в) томъ II стр. 320: „въ евангельской системѣ не имѣетъ мѣста идея жертвеннаго искупленія грѣха“, что не согласуется ни съ ученіемъ, ни съ богослужебною практикою церкви;

г) т. II стр. 351: церкви не дано власти отлучать кого либо;

д) т. II стр. 215: христіанинъ „не противится злу“; т. II стр. 211: христіанину „Евангеліемъ безусловно воспрещается клятва“; т. II стр. 217: „христіанинъ не можетъ участвовать

въ войнѣ, не можетъ быть христіанскаго воинства“, т. II стр. 274: „христіански-святого народа, богоизбраннаго народа не можетъ быть, какъ не можетъ быть христіански-святого государства или брака“;

е) о союзѣ церкви съ государствомъ и, слѣдовательно, о церковно-гражданскихъ законахъ, по системѣ профессора Тарѣева, не можетъ быть никакой рѣчи. „Ужась (говорится на стр. 207—209 тома II въ примѣчаніи 4) повисъ надъ землю, когда впервые прозвучалъ церковно-государственный законъ о нерасторжимости брачнаго союза“.

Вообще взглядъ профессора Тарѣева на земные интересы и естественныя потребности человѣка,—на его природу и въ связи съ этимъ на самую духовную, божественную жизнь его по возрожденіи, возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Укажу въ нѣсколькихъ словахъ сущность ихъ.

Духовное, какъ вѣчное, пребывающее, нетлѣнное, по профессору Тарѣеву, само по себѣ *божественно*. „Все духовное, говоритъ онъ, въ сущности божественно; только божественное можетъ быть духовнымъ“ (т. I стр. 344). Все же земное, какъ вызванное къ бытію изъ ничтожества (т. III стр. 63), какъ временное, преходящее, тлѣнное, само по себѣ *ничтожно*, *изменно*, даже *злостно* (т. III стр. 68), вопреки приговору Самого Создателя всего земнаго (Бытія гл. I ст. 31). И все это земное, тлѣнное имѣетъ значеніе для христіанина будто бы лишь въ томъ смыслѣ, что служить объектомъ отрицанія, злостраданія, самоотверженія ради духовной, божественной въ немъ жизни.

О какой либо разнокачественности въ божественномъ или духовномъ, на подобіе „вторыхъ свѣтлостей“, созданныхъ „Первою Свѣтлостью“ и сродныхъ съ Нею, о которыхъ говоритъ св. Григорій Богословъ (т. III стр. 61), или по подобію безплотныхъ силъ съ ихъ разнообразными свойствами у профессора Тарѣева совсѣмъ нѣтъ рѣчи, если не имѣть въ виду вышеуказанныхъ двухъ выраженій: „стихійный“ и „Христовъ Духъ“. Напротивъ, все *духовное*, какъ выше сказано, у него отождествляется съ божественнымъ и въ то же время противопоставляется *человѣческому*. „Духовное, какъ предикать божественнаго, говоритъ профессоръ Тарѣевъ, сильнѣе всего выражаетъ его противоположность *человѣческому*“ (т. I стр. 344). Согласно такому ученію духъ человѣка ока-

зывается не частію трехъ-составной (духъ, душа и тѣло) его природы, а собственно Духомъ Божиимъ (Божественнымъ Началомъ), началомъ человѣческой жизни, и это потому, что таково будто-бы „элементарное библейское понятіе“ (ibidem) о природѣ человѣка.

Итакъ природа человѣка, именно какъ человѣка, лишается своей собственной духовной сущности—однажды навсегда напечатлѣннаго въ ней „образа Божія“,—этой вѣки неотъемлемой и существенной принадлежности ея, составляющей неизмѣримое превосходство ея надъ душевно-тѣлесною природою безсловесныхъ животныхъ и вѣчное отличие отъ безплотныхъ духовъ.

Для возрожденія человѣка къ божественной духовной жизни отъ него самого требуется, по ученію профессора Тарѣева, смиреніе и упованіе на Бога (т. III стр. 68),—такія духовныя добродѣтели, о которыхъ не могло-бы быть и рѣчи у человѣка, если бы его природѣ не свойственна была нравственная потребность, съ развитіемъ которой до свободной личности и до нравственного закона не сдѣлалось возможнымъ хоть какое либо пониманіе и переживаніе того, что выражаютъ собою слова: „смиреніе, упованіе, Богъ“. Между тѣмъ именно естественному нравственному закону, напоминаемъ котораго, по православному ученію, служить самый сверхъестественный богооткровенный законъ, профессоръ Тарѣевъ не рѣшается приписать „исключительно божественное происхожденіе“ (IV т. 124 стр.), и это только потому, что этотъ законъ имѣетъ „утилитарную сторону, земной характеръ“ (ibidem), т. е. потому, что съ исполненіемъ нравственного закона соединяется удовлетвореніе не только нравственного чувства, но и другихъ законныхъ, естественныхъ потребностей его индивидуальной и общественной жизни. Какъ будто какіе бы то ни было естественные законы, а тѣмъ болѣе естественный нравственный законъ, могли получить свое существованіе не исключительно отъ Бога и какъ будто бы „благочестіе“ не „на все полезно“ (1 Тим. IV, 8), и къ Царствію Божию не могутъ прилагаться (Мѣ. II, 33) мірскія блага, о которыхъ православная церковь молить Бога и за дарованіе которыхъ благодарить и славословить Его. Евангеліе, конечно, не позволяетъ отождествлять духовныя блага съ земными; но оно не позволяетъ и разъеди-

нять ихъ съ Царствомъ Божиимъ въ земной жизни человека.

Вообще я не встрѣтилъ въ книгахъ профессора Тарѣва ясной мысли о томъ, что радостями и благами земной жизни, какъ бы онѣ ни были законны и священны, христіанинъ можетъ пользоваться, оставаясь въ то же время истиннымъ христіаниномъ. Всѣ эти земныя блага, даже нравственное совершенство, будто бы удовлетворяютъ только эгоистическимъ вождельвіямъ земнаго благосостоянія, самодовольства, самоправедности, и т. п. Для всего этого истинный христіанинъ и на землѣ долженъ быть совершенно мертвъ; его жизнь возвышается надъ всѣмъ земнымъ, какъ только небесная, вѣчная, божественная.

Въ чемъ же она состоитъ?

Она ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ жизни Самого Спасителя міра, разсматриваемой со стороны Его человѣческой природы. Спасителю *вроджено* Богосыновнее самосознаніе: въ истинномъ христіанинѣ точно такое же Богосыновнее самосознаніе возрождено (т. II стр. 296). Спасителю Богомъ дарована при Его (будто бы) крещеніи (т. I стр. 187) чудотворная сила; истинный христіанинъ, по возрожденіи, обладаетъ *абсолютною* (ничѣмъ не ограниченою) свободою творчества. Это съ формальной стороны духовной жизни. Со стороны ея содержанія: въ Спасителѣ обитала безпредѣльная любовь Отца Небеснаго къ роду человѣческому, явленная въ униженіи, въ страданіяхъ даже до крестной смерти Воплощеннаго Сына Божія. Истинный христіанинъ дышетъ тою же божественною по самой природѣ своей безграничною любовью,—кроткою, смиренною, нѣжною, самоотверженною даже до смерти, въ своемъ униженіи и смиреніи находящею—совершенство и въ злостраданіяхъ—блаженство (т. III ст. 68). „Абсолютность формы и любовь, какъ содержаніе, говоритъ профессоръ Тарѣвъ, въ этомъ единственно христіанство“ (II т. 182 стр.).

Характеризуя такъ земную жизнь истиннаго христіанина, профессоръ Тарѣвъ приписываетъ ему такую абсолютность, т. е. неограниченность, какой православная церковь не усваиваетъ ни безплотнымъ Силамъ, ни прославленнымъ святымъ Божиимъ. Съ другой же стороны въ самомъ духѣ истиннаго христіанина, въ его „я“, лишенномъ, какъ выше

замѣчено, собственной, человѣчески-духовной сущности, онъ не предполагаетъ въ немъ никакихъ неотъемлемыхъ отъ него качествъ и никакой собственной нравственной цѣнности; такъ что становится непонятнымъ: что же въ немъ составляетъ предметъ Божіяго къ нему благоволенія и любви и что въ собственной духовной природѣ христіанина даетъ ему возможность ощущать блаженство этой Божественной любви. „Духовная жизнь, говоритъ профессоръ Тарѣвтъ, это не самъ человѣкъ, который говоритъ о себѣ: это „я“, это „мое“; нѣтъ, духовная жизнь есть божественная жизнь въ человѣкѣ (III т. 88 стр.); „я“ христіанина такимъ образомъ напоминаетъ пустую форму мелкой волны въ неизмѣримомъ океанѣ.

Принимая же во вниманіе ученіе православной церкви и свидѣтельство опыта о первородномъ грѣхѣ и его слѣдахъ, даже до смерти не исчезающихъ въ человѣческой природѣ, слѣдуетъ сказать, что вышеописанная характеристика духовной жизни христіанина на землѣ не можетъ отвѣчать ни ученію церкви, ни дѣйствительности.

Если же человѣческое „я“ оказывается столь пассивнымъ въ процессѣ божественной духовной жизни христіанина, а съ другой стороны если все тлѣнное, земное, преходящее имѣетъ значеніе для него, какъ выше замѣчено, лишь въ томъ смыслѣ, что служить объектомъ отрицанія злостраданій, самоотверженія, движеніе же всей природно-исторической жизни міра профессоромъ Тарѣвымъ вездѣ предоставляется ея собственнымъ естественнымъ законамъ, то, наконецъ, нельзя не спросить: въ чемъ же проявляется *творчество абсолютной свободы* и безпредѣльной любви отдѣльнаго христіанина къ человѣчеству? И *какимъ именно творчествомъ* онъ достигаетъ „Цѣли жизни“? Профессоромъ Тарѣвымъ подъ этимъ именно заглавіемъ указаны въ III т. 59—70 стр. Определеннаго и яснаго отвѣта на эти вопросы я не нашель въ трудахъ профессора Тарѣва, быть можетъ, и потому, что книги его по недостатку моего собственнаго зрѣнія читались мнѣ съ большими промежутками въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, изъ за двукратной моей болѣзни, и я не замѣтилъ, или не запомнилъ, или даже не повялъ чего либо.

Въ заключеніе своего представленія считаю долгомъ

почтительнѣйше просить Святѣйшій Синодъ обратить вниманіе на то, что профессоръ Тарѣвъ во всемъ строѣ своихъ мыслей о божественной, духовной жизни, какъ она явилась въ человѣческой природѣ и во всей земной жизни Спасителя, стоитъ преимущественно на точкѣ зрѣнія Четверо-Евангелія и Дѣяній Апостольскихъ, когда христіане, исполненные Святаго Духа, жили истинно по евангельски, когда зародышъ церковной жизни въ Іерусалимѣ—малое общество христіанъ—имѣло „одно сердце, одну душу“, когда они не желали имѣть собственности, были совершенно чужды окружающему міру, а самый міръ смотрѣлъ на нихъ то со страхомъ, то съ благоговѣніемъ и любовію (Дѣян. Ап. гл. II, III, V ст. 13).

Съ этой точки зрѣнія, а также въ виду полемическихъ цѣлей трудовъ профессора Тарѣва многое изъ того, что въ нихъ не вполне согласуется съ ученіемъ и современною практикою православной церкви, легко объяснить и желательно было бы извинить.

Въ Сентябрьской книжкѣ за 1909 г. „Богословскаго Вѣстника“ профессоръ Тарѣвъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ: „Церковность, какъ принципъ нравственнаго богословія“. Въ этой статьѣ онъ выражаетъ свое намѣреніе—приступить къ исторіи христіанскаго правоученія, а въ рукописномъ „Краткомъ изложеніи своего богословствованія“, признавая себя вѣрнымъ сыномъ православной церкви, заявляетъ полную готовность подчиниться цензурѣ Святѣйшаго Синода и произвести даже въ напечатанныхъ трудахъ всѣ измѣненія, какихъ отъ него потребуютъ.

Желая сохранить г. Тарѣва, какъ даровитаго и трудолюбиваго профессора, для богословской науки въ академіи, и въ виду всего вышесказаннаго, я находилъ бы не бесполезнымъ препроводить къ профессору Тарѣву содержаніе моего сего представленія, если оно того заслуживаетъ, для принятія имъ во вниманіе и въ то же время предписать профессору Тарѣву воздерживаться, какъ въ своемъ преподаваніи, такъ и въ печати отъ всего, что не согласно съ ученіемъ и практикою православной церкви.

Вашего Святѣйшества покорный слуга

Протопресвитеръ *Іоаннъ Янышевъ*.

12 Февраля 1910 года.